Про Ивана Горденовича (2)

Во стольном городе во Киеве
У ласкова князя у Владымера
Заводилосе пированье-столованье,
Пированье-столованье — почесен пир.
Тут все на пиру пьяны-веселы,
Ешше все на чесном приросхвастались,
Иной-ёт хоть хвастат красным золотом,
Как иной-ёт хвастат скатным жемчугом,
Как иной-ёт бы хвастат чистым серебром,
Как иной-ёт бы хвастат конем добрыим,
Новой хвастат бы сбруней лошадиною,
Новой хвастат бы силой богатырскою,
Новой хвастат бы палоцкой буевою,
Новой хвастат своей саблей вострою,
Новой хвастат копейцом бурзомецкиим,
Кабы умной бы хвастат старой матерью,
Безумной похваляцца молодой женой.
Един молодец, он не пьет, не ест,
Ничем молодец не похваляетця.
Говорил тогда солнышко Владимер-князь:
«Уж ты ой еси, Иван сын Горденович!
Что ты не пьешь, не ешь — не хвастаешь,
Ничем, молодец, не похваляисся?
Али местом мы тебя, видно, приобидели?
На пиру тебя чарочкой прио́бнесли?
Али стольнички мои тебе не по разуму,
Не по разуму они тебе, не очесливы?
Али нету у тебя красна золота,
Видно, нету у тебя скатна жемчуга,
Али нету у тебя чиста серебра?
Али нет у тебя, видно, коня доброго,
На коне у тебя сбруни лошадиноей?
Али нет у тебя палицы буёвоей?
Али нету у тебя сабли востроей,
По рукам нету копейца бурзомецкого?

Али нет у тебя силы богатырскоей?»
Тогда ответ держит доброй молодец
По имени Иван сын Горденович:
«Много у меня нонче красна золота,
Погребами у меня чисто серебро,
Еще есть у мня скатна жемчуга,
Еще есть при себе у мня доброй конь,
На коне у меня сбруня есть лошадиная,
Есть, говорит, у мня палочка буевая,
Есть у меня сабля вострая,
Еще есть у меня копейцо бурзомецкое,
Еще есть у мня сила богатырская —
Только нету у меня старой матери,
Во-вторых, у меня нету молодой жены.
Хто бы мне нонь нашел богосуженну,
Богосуженну невесту, богоряженну,
Ну, по-руськи, говорит, мне назвать — жену венчальную,
По-немецки назвать мне — супружница.
Чтобы ростом она была переводна и собой статна,
Статна была она, ростом высока,
Как походочка чтобы была у ей павиная,
Тиха речь-поговоря — лебединая,
Руса коса была чтобы до пояса,
Она в золоте, во серебре чтобы не пóгнулась,
Чтобы очи у ней были ясного сокола,
Как ресницы чтобы у ей были бобра сизого,
Ешше кто бы мне нашел богосуженну,
Богосуженну невесту, богоряженну».
Вот из-за тóго из застолья ноне середнего,
Со того ли со простеночка переднего,
Со той ли скамейки-дубовой доски
Ставал Добрыня тогды на резвы ноги,
Из речей Добрыня выговаривал:
«Уж ты ой еси, Иван сын Горденович!
Я знаю тебе-ка богосуженну,
Богосуженну, богоряженну,
Хоть по-руськи назвать тебе невесту обручальную,
По-немецки назвать тебе супружницу.
Она ростом переводна и собой статна,

Она собой статна́, ростом вы́сока,
Походочка чтобы ей была павиная,
Тиха речь-поговоря — лебединая,
Руса коса чтобы была до пояса,
Чтобы в золоте, в серебре не погнуласе,
Чтобы очи у ей были я́сна со́кола,
Чтоб ресницы у ней — бобра сизого».
Говорил Иван сын Горденович,
Говорил он таковы слова:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич блад!
Уж ты как знаешь ей дороднеством?»
Ответ держит Добрынюшка Микитич блад:
«Уж ты ой еси, Иван сын Горденович!
Я во том во городи Чернигове,
Я жил во том городи двенадцеть лет».
Тут говорил Иван сын Горденович:
«Кто из нас будет тысецьким,
Еще кто из нас будет сватом большиим,
И кто из нас будет ноньце дружкой вежливым?»
Говорил тут Иван Горденович:
«Старого я возьму ноньце тысяцким,
Я Добрынюшку Микитича — сватом большиим,
А Олешку хоть возьмем дружкой вежливым».
Собираютца удалы добры молодцы,
Сильные могучие бога́тыри,
Седлают-уздают коней добрыих,
Зелена они вина берут сороковками,
Они пшеницы белояровой берут обозами.
Вышли они вон на улицу,
Направляют они своих коней добрыих.
Вышел старой Илья Муромець,
Вышел Добрынюшка Микитич блад,
Вышел Олешенька Попович блад,
Тогда вышел Иван сын Горденович.
Садилисе тогды они на добрых коней.
Едут они по чисту полю,
Денечёк они ехали до вечера,
Едут темную ночь до бела́ света,
Не пиваючи едут, не едаючи

И добрым коням отдоху не даваючи.
Они вто́ру ночь едут до вечера,
Они темную ночку до бела́ света,
И третий день едут до вечера,
Едут темную ночь до бела света.
Остановились они за петнадцеть верст
От того ли города Чернигова.
Розоставили шатры белополотняны,
Розоставили своих коней добрыих,
Насыпали им пшеницы белояровой,
Наливали воды сладкой медовоей,
И заходят ребята во белы́й шатёр,
Розоставили столы белодубовы,
Пировали-столовали трои суточки,
Они трои же суточки просыпалисе.
Тогда проснулса Добрынюшка Микитич блад,
И проснулса Иван сын Горденович.
Говорил тогды Иван таковы слова:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич блад!
Не пора ли тебе нонче ехать свататця?»
Выходил тогды Добрыня вон на улицу,
Тогда садилса Добрыня на добра коня,
Он бы едет стороной нонь, не доро́гою,
Он в ограду заежжает не воротами:
«Мне дорогой ехать — не чесь-хвала,
Мне не выслуга будет богатырская».
Тогды скоро он скочил со добра коня,
Он оставил тут коня неприказана,
Неприказана коня, непривязана:
«Никому, — говорит, — до моёго коня дела нет».
Он заходит тогда в гридню светлую
К тому же Федору Черниговску,
Он Богу не молитца и челом не бьёт —
Молиццы у их, право, некому.
Говорил тогда Добрыня таковы слова:
«Уж ты ой еси, Федор царь Черниговской!
Я приехал к тебе-ка сватацца
На твоей на дочери на меньшоей.
Не дашь чесью — возьмём нечесью,

А отдашь чесью — возьмем с радосью!»
Говорил тогда Федор царь Черниговской:
«Не Иванушко поставил тонку плёночку,
Не Иванушку попала в плёнку уточка,
Васильюшко поставил тонку плёночку,
Окулову попала в пленку уточка».
Говорил тогды Добрынюшка Микитич блад:
«Уж ты ой еси, блядь ворона пустопёрая,
Ты последня птича волочажная!
Я пройду по гридни вдоль по светлые,
Возьму я тебя за чесны кудри,
Кончу я твою вечну жизнь!»
Тогды побежал Федор в гридню светлую
Ко своей ли дочери любимоей,
Приготовили ей коня доброго,
Кладут все доспехи богатырские.
Выходила она тогды вон на улицу,
И выходил Добрынюшка Микитич блад.
Садилась тогды она на добра коня,
И садилса Добрынюшка Микитич блад.
Едёт Добрынюшка Микитич блад,
И едет полениця преудалая,
Наезжала на Добрынюшку Микитича,
Ударила его по буйной голове.
Обворотилса Добрынюшка Микитич блад,
Снял он ее с коня доброго,
Отпустил его во чисто поле,
Посадил он ее на добра коня,
На добра коня — впереди себя.
Приезжают они ко белы́м шатрам,
Выходит Иван сын Горденович,
Выходит он из бела шатра,
Стречат он невесту заручённую,
Ту ли княгину первобрашную,
Заходят они тогды во белой шатер,
Заварилось у них пированьё-столованьё,
Пошел у их пир наве́село.
Опять пировали-столовали трои суточки,
Трои же суточки просыпалисе.

Проснулса старой казак Илья Муромец,
И проснулса Добрынюшка Микитич блад,
И проснулса Олёшинька Попович блад,
Спит Иван Горденович с княгиной в своем шатре.
Сломали шатры белополо́тняны,
Кладут все доспехи богатырские
На своих на коней добрыих,
И поехали они тогды в стольной Киев-град.
Едут они по чисту полю,
Перепала им дороженька кровавая,
Кровава дорога поперечна.
Говорил Иван сын Горденович:
«Я изведаю эту дорожечку кроваву,
Кроваву дорогу поперечну».
Говорит ему старо́й Илья Муромец,
Говорит ему Добрынюшка Микитич блад:
«Уж ты ой еси, Иван сын Горденович!
Не езди по дороги по кровавоей,
Потеряешь тут свою буйну голову!»
Поезжал Иван сын Горденович
По этой дороги по кровавоей,
Кровавой дороги поперечноей,
А они поехали в стольной Киев-град.
Говорил тогды Илья Муромец:
«Когда при последней поры-времени,
Помяни ты старого Илью Муромца,
Помяни ты Добрыню Микитича,
Помяни ты Олешу Поповича!»
Тогда поехал Иван сын Горденович
Изведать эту дорогу кровавую,
Кровавую дорогу поперечную.
Завидели на поли черной шатёр,
Приежжали близко ко черну шатру,
Скакал он тогды со добра коня,
Распахнул у шатра полу правую,
Стали они тут боротися-дратися
С Васильем свет Окуловичем.
Оборол тогда Иван Горденович Василья Окуловича,
Сронил его — бросил на землю,

Сел ему на черны груди.
Говорит тут Василий Окулович:
«Уж ты ой еси, княгина первобрашная!
Сойди-ко ты со добра коня,
Стени Ивана со черных грудей».
Спустилась она со добра коня,
Стенула Ивана со черных грудей,
Тогды сел Василий Ивану на белы груди.
А немного поры-время миновалосе,
Повели его ко сыру дубу,
Привезали Ивана ко сыру дубу,
Свезали его опутиной шелковою,
Пошли они во черной шатер,
Не закрыли у шатра полу правую,
Легли в шатер, потешаютца.
Говорит Иван сын Горденович:
«Еще где-то у меня старой Илья Муромец?
Еще где-то у меня Добрынюшка Микитич блад?
Еще где-то у меня Олешинька Попович блад?»
А немного поры-время миновалосе,
Прилетели ко сыру дубу три ворона,
Садятця они на черной шатер,
Садятця, ревут, покуркивают.
Тогда вышел Василий Окулович,
Берет у него тугой лук,
Вкладыват стрелочку каленую,
И стрелят он тут черных воронов.
Облетела стрела вокруг сы́рой дуб
И розлетелась Василью во черны груди,
Кончила тогды его вечну жизнь.
Стоит палениця у черна шатра,
Пошла она ко сыру дубу:
«Уж ты ой еси, Иван сударь Горденович!
Извини меня во первой вины».
Говорит ей Иванушко Горденович:
«Отпутай меня от сыра дуба».
Отпутала его от сыра дуба.
Пришел он ко своему коню доброму,
Садилса Иван на добра коня

Со своей молодой женой,
Тогда они и поехали в стольной Киев-град.
Приехали они к реке быстроей,
Быстрой реке, каменистоей,
Остановил Иван своего коня,
Говорил тогды Иван таковы слова:
«Уж ты ой еси, моя княгина первобрашная!
Спустись, говорит, со добра коня,
Подай-ко мне воды ключевоей,
Я испить хочу воды ключевоей».
Говорит она Ивану Горденовичу:
«Не испить ты хошь воды ключевоей,
А испить ты хошь моей крови горячеей!»
Спустилась она со добра коня,
Берет он в руки саблю вострую,
Новую саблю, необновлену,
И ссек у ей со плеч голову.
Приехал он в стольной Киев-град,
Приехал во ограду княженецкую,
Ко тому ли солнышку князю Владымеру.
Он заходит тогда во гридню светлую,
Во те же палаты княженецкие.
Поздравлят тогда его старой Илья Муромец:
«Уж ты ой еси, Иван сын Горденович!
Здорово женился — тебе не с кем спать!»
Выходил он тогда вон на улицу,
Спустилса тогда со красна крыльца,
Берет он копейцо бурзомецкое,
Поставил он тупым концом во сыру землю,
На вострой пал грудью белою
И кончил тут свою вечну жизнь.

(Зап. Леонтьевым Н. П.: 2 июня 1938 г., д. Лабожское Нижнепечорского р-на — от Тайбарейского Василия Петровича, 73 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.